

ФОРМА Е + Р КАК ФОРМА ПРЕДИКАЦИИ ИМЕННОГО ПРИЗНАКА (В ЛИТОВСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ)

НИЙ ОЛЕ ЛУКШИТЕ

Исследование формы Е + Р (глагол būti/être + страдательное причастие), согласно грамматической традиции, определяется как исследование грамматической формы залога. При этом форма Е + Р рассматривается как глагольная: отнесение ее к глагольной парадигме обосновывается общностью корня глагола и причастия. Так форма Е + Р приобретает семантическое содержание процесса, что и позволяет считать ее разновидностью глагольной лексемы. Данная исходная точка при рассмотрении формы придает дальнейшему исследованию такое направление, что начинают возникать сомнения по поводу глагольности формы Е + Р. Это происходит потому, что форма Е + Р, передающая идею процесса, в то же время выявляет и именную природу причастия; в связи с этим статус формы Е + Р определяется то как глагольной аналитической формы, то как именного сказуемого, то как просто конструкции. Следует отметить, что стательное значение формы Е + Р как разновидность глагольного содержания признается не всеми [Jakulienė, 1968, p. 211; Référovskája, 1964, § 151, с. 140–141]. На более позднем этапе исследования стательность процесса включается в содержание глагольной аналитической формы как формы глагола [Geniušienė, 1974, p. 21]. Однако трактовка стательного значения формы Е + Р как соотносящегося с лексикографическим толкованием глагольной лексемы не решила вопроса о природе формы Е + Р; исследования диатез и залогов, проведенные ленинградской группой ученых, выявляют соотношение залоговых конструкций с семантико-синтаксической структурой предложения [Типология, 1974], но оставляют не решенным на теоретическом уровне вопрос о соотношении понятий „глагольная лексема” и „конструкция”.

Следует отметить, что существуют попытки решения вопроса о природе формы при условии исключения залогового значения из сферы глагола как способа передачи процесса, противопоставления этой сферы именной форме как форме составного сказуемого. Такую форму передачи залога в литовском языке выделяют А. А. Потенбя [Sližienė, 1974, § 10, p. 85] и Ю. Жюжда [Paulauskienė, 1979, § 215, p. 172]. На именную природу конструкций с действительными и страдательными причастиями

в литовском языке обращают внимание рецензенты „Грамматики литовского языка” [Girdenis, Žulys, 1973, p. 208–209]. Во французском языке форму E + P как синтаксическую форму залога отмечают Ж. и Р. Лебидуа [Le Bidois, 1935], Б. Потье [Pottiers, 1967, p. 17–18]. Такая трактовка ее, на наш взгляд, противоречит употреблению термина „злог”, который предполагает единство содержания „процесс” и глагольной формы его выражения. (Это в свою очередь требует выявления содержания понятия „аналитическая форма глагола”.) Упомянутые противоречия позволяют считать, что семантическое понятие „процесс” не исчерпывает содержания формы E + P, передающей идею процесса постольку, поскольку процесс неотделим от корня причастия, которое, несмотря на то, что оно является образованием отглагольным, имеет статус понятия именного. Причастие — это такая часть речи, которая объединяет две противоположности — процесс и именной признак. Осмысление отношения этих понятий в форме причастия является ключом при рассмотрении формы E + P. Понятие именного признака является системной значимостью причастия, которая поглощает семантику процесса как понятия более „частного” (менее абстрактного). Поэтому можно констатировать, что залоговость формы E + P вытекает из значения процесса, но содержание формы E + P определяется не процессом, а значимостью именного признака как способа характеристики (предикации) субстанции. Таким образом, форма E + P как предикативная единица соотносится с уровнем предикации субстанции признаком; этот уровень можно выделить как более абстрактный отражательный аспект предложения, воплощенный в синтаксических понятиях подлежащего и сказуемого (уровень предикации как уровень существования природы пассивной формы указывается Штелингом [Штелинг, с. 13]). Тем самым выявляется диалектика терминов „злоговая форма” (аналитическая форма глагола) и „синтаксическая форма”: залоговой она может быть постольку, поскольку для нее характерна семантика процесса, но по природе она всегда синтаксическая как форма отнесения именного признака к субстанции. Материал французского языка является наиболее подходящим для иллюстрации разных плоскостей существования залогового значения и именной природы формы E + P. О. Гивишвили трактует форму E + P как средство выражения семантико-синтаксической категории признака и утверждает, что это исключает возможность выделять грамматическую категорию страдательного залога во французском языке [Гивишвили, 1979, с. 20].

Следует отметить, что литовский и французский языки представляют собой яркую противоположность с точки зрения причастия, поскольку в них в разном соотношении находятся содержание причастия как значимость именного признака и значение процесса. В литовском причастии процесс заслоняет значимость именного признака; он получает и морфо-

логическую маркированность; об этом говорит существование P_m (причастия настоящего времени) и P_t (причастия прошедшего времени), а также родовых и неродовых (средних, общих, безымянных) форм как отражение соотношения причастия с переходными и непереходными глаголами (далее будем иметь дело только с родовыми формами причастия). Во французском языке причастие прошедшего времени (P_p), входящее в форму $E + P$, соотносится и с переходными, и с непереходными глаголами (следует иметь в виду, что непереходные глаголы в этом отношении выделяются как предельные, поскольку непереходные не образуют сочетания с *être* вообще (**il est ri, dormi, mangé, marché* etc)). Поскольку во французском языке переходные глаголы нередко имеют непереходную пару (чаще всего местоименную), то та же самая словоформа $E + P$ выражает и субъективный результатив, и объективный (субъективный результатив нейтрализует и противопоставление местоименной – неместоименной переходности); более того, в тексте противопоставление формы $E + P$ по отношению к переходному или непереходному глаголу нейтрализуется. Напр.: (1) *Véronika actionne la pompe du vivier et lave le sang dont elle est tachée* (Sabatier, 59); *elle est*

tachée — elle s'est tachée de sang;
 le sang l'a tachée.

(2) *Je l'ai fait entrer et il m'a appris que son chien était perdu* (Camus, 68);

son chien était perdu — il s'était perdu
 qn a perdu son chien.

Тот факт, что отглагольность причастия не связывается с формой $E + P$ как формой глагольной парадигмы передачи процесса, иллюстрируется следующим примером: (3) *Les musiciens étaient suspendus entre ciel et terre, dans une tribune* (Beauvoir, 201). Глагол *suspendre* имеет только переходное употребление, что предполагало бы залоговое пассивное значение словоформы $E + P$, но это исключается контекстом. Однако причастие *suspendu*, в словаре Малльи Робер отмеченное как прилагательное, сохраняет отношение к действию как обобщенный его результат: *suspendu 'attaché, soutenu de manière à pendre'*. „Обобщенный результат означает, что во французском языке результат непосредственно осмысливается как именной признак имени, т. е. в системе языка маркируется отношение принадлежности признака носителю как заключение этого признака в пространстве „носитель” (о понятии пространства как способе образования языковых понятий см.: [Ginneken, 1939; Селиверстова, 1973]). Тем самым аннулируется понятие способа возникновения этого признака как реализация субъектного или объектного процесса. В связи с такой природой признака процесс словоформы $E + P$ можно

восстановить в тексте как понятие логическое, т. е. не входящее в семантическую систему передачи процесса. Однако в зависимости от структуры текста процесс может стать семантически маркированным: (4) [...] elle peine, elle va s'éteindre, elle sera éteinte à l'aube (Beauvoir, 10); форма E + P передает результативное значение процесса s'éteindre как характеристике предмета высказывания, цель которого — сообщение об исходе существования героини.

Таким образом, разница между причастиями литовского и французского языков заключается в том, что в литовском языке именной признак, который получает имя вследствие его соприкосновения с процессом, имплицитно указывает синтаксическую природу этого процесса, а во французском — признак, возникающий при имени (субъекте или объекте), сразу имплицитно указывает в „пространство” своего носителя, что делает отношение признака к синтаксической природе процесса нейтральным. Это означает, что по природе своей французское причастие является более „окачествленным”, чем литовское. Эта качественность французского причастия отражается в тесной связи признака с субстанцией, сливающихся в своеобразное синкретичное понятие (о синкретизме как генетической связи субстанции и признака см.: [Панфилов, 1976, с. 14]). Это значит, что характер субстанции влияет на содержание признака, исходное значение которого (результат действия) представляет собой контуры признака, наполняющиеся содержательными чертами в зависимости от характера субстанции. Можно выделить несколько факторов, формирующих „качественность” причастия:

1) понятие формы: (5) *Les veines sont gonflées* (Beauvoir, 225); (6) *Un verre de bière est biseauté* (Sartre, *Nausée*, 20);

2) понятие разделения, разъединения, членения субстанции, существование части вне целого: (7) *Il a tout perdu. Il est seul, démuné* (Sarraute, 162); (8) *Chacune toute absorbée en soi-même, elles étaient plus séparées que deux nébuleuses aux confins de l'éther [...]* (Beauvoir, 152);

3) понятие внутренней структуры субстанции (материи, явления): (9) *Marcelle est compliquée* (Sartre, *Age*, 340); (10) *La foule était plus mêlée que le matin* (Sartre, *Nausée*, 71).

Во французском языке внутренняя структура субстанции как фактор, способствующий „окачествлению” причастия, выявляется при рассмотрении причастий, характеризующих психические и физиологические особенности индивида. В этом случае признак неотделим от природы живой материи: он означает способ ее существования, эксплицитно указывает ее функционирование, вытекающее из ее сущности. Единство субстанции и признака выражает „внутреннее состояние” субстанции. Причастие не предполагает понятия результативности как следствия взаимоотношения глагола и имени. О процессе нейтрализации глагольного признака говорит тот факт, что некоторые глаголы психических процессов, не имеющие

непереходного употребления, в форме E + P скорее выражают внутреннее состояние, чем пассив. С этим связано употребление причастий *abattu, bouleversé, surpris, fasciné, enchanté, navré, excité, déçu, dégoûté, exaspéré, emmerdé*.

Можно выделить группу причастий, результативность которых связана с характером предельности лексического значения процесса; эта предельность может быть связана с необратимостью процесса, которая имплицитно признается и при включении этого признака в живую субстанцию получает новое преломление, обогащаясь семантикой физической, моральной, социальной деградации или исхода, гибели (иногда с пренебрежительным оттенком). Напр.: (11) *On a changé le régime alors qu'elle était cent fois perdue* (Mauriac, 709); (12) *Marcelle était pourrie dans sa chambre, ça serait irrespirable* (Sartre, Age, 184). К этому типу относятся и причастия *fait* (*ç'en est fait de moi*), *pris*. На упомянутом основании „окачествленным” можно считать и причастие *mort*; *crevé* выделяется как его синоним с вульгарным оттенком: (13) *Vous serez comme ça, quand vous aurez trente-cinq ans. — A trente-cinq ans, dit Boris sobrement, je serai crevé depuis longtemps* (Sartre, Age, 266). Развитие значения как результат приспособления признака к характеристике живой материи характеризует причастия типа *singlé pop. 'un peu fou'; détraqué 'déséquilibré, fou, malade'* [PR], характеризующие интеллектуальную и социальную неполноценность индивида и употребляющиеся с целью унижения.

При характеристике лица можно выделить и противоположную тенденцию — метафоризацию результата процесса, при которой причастие не сливается с субстанцией в синкретичное понятие, а указывает на подвержение имени процессу извне (14) *Il est bâti comme les anciens moniteurs de Joinville* (Sartre, Nausée, 89).

Причастия лексически предельных процессов семантически переструктурируются и в „пространстве” неживой субстанции (*été rougî, crème bien prise*). Это происходит соответственно природе причастия, которое представляется ориентированным непосредственно на имя — носитель признака. Такая природа французского причастия осознается и некоторыми лексикографами; напр., в словаре Мальть Робер проявляется тенденция отмечать причастия как прилагательные, т. е. они выделяются как именные признаки, тождественные прилагательным. Это касается не только причастий внутреннего состояния, но и причастий конкретного процесса, напр.: *fermé, ouvert, suspendu, exclu, vaincu, trempé, séparé*; их значение определяется как признак, указывающий на способ устройства, существования предмета, напр.: *fermé — qui ne communique pas avec extérieur; ouvert — disposé de manière à laisser le passage, à laisser communiquer avec l'extérieur; mêlé — qui forme un mélange (avec), qui est uni, joint à; qui comporte, qui contient plusieurs choses mêlées, mélangées; démunî — dépouillé d'une chose essentielle; séparé — qui est à part, distinct.* „Каче-

ственность” признака подтверждается синонимичными прилагательными (и причастиями): *mêlé* – *hétéroclite*, *hétérogène*, *varié*, *disparate*, *bigarré*; *détaché* – *désinvolte*, *indifférent*; *séparé* – *distinct*, *éloigné*. В PL причастия как прилагательные отмечаются только в некоторых сочетаниях, напр.: *caractère ouvert*, *port ouvert*, *ville ouverte*.

В литовском языке именная значимость причастия в употреблении проявляется как более формальная, поскольку признак сохраняет образ воздействия процесса на имя. Следует отметить, что в литовском языке признак связан не только с предшествованием процесса (P_1), но он фиксируется как момент соприкосновения имени с процессом (P_m) (во французском языке такое значение имплицитно значимостью *Participle passé* непредельных переходных глаголов *aimé*, *respecté*, *tourmenté*). Несмотря на то что результативность можно считать ядром причастия как именного признака, форма $E + P_m$, выражающая состояние в процессе, также может трактоваться как сочетание, стоящее ближе к конструкции сложного сказуемого, чем сочетание $E + P$ [Sližienė, 1974, § 11, p. 85–86]. А. Паулаускене тоже отмечает P_1 как „более пассивное”, чем P_m [Paulauskienė, 1979, § 115, с. 94]. Это говорит о том, что понятия именного признака и процесса не являются взаимоисключающимися, поэтому их нельзя применять в качестве критерия „окачествления” причастия. Выражая согласие с мнением рецензентов грамматики [LKG] о том, что нет грамматических критериев перехода причастия в прилагательное, мы можем предполагать, что „окачествление” происходит как кристаллизация некоторой семантики признака, включенного в „пространство” носителя.

В литовском языке можно встретить те же „внутренние” пути окачествления, что и во французском, связанные с диалектикой природы субстанции и абстрагируемого от нее признака. Поэтому в литовском языке можно говорить об „окачествлении” причастий в зависимости от формы и структуры субстанции: *iškreiptas vaizdas* ‘искривленный образ’ (образ как отражение получает признак в зависимости от структуры отражающей субстанции); *(klevo) lapeliai karguti* ‘листья клена изрезанные’ (определенного геометрического контура); *nugriebtas pienas* ‘снятое молоко’, *virtas kumpis* ‘вареная ветчина’ (субстанция, изменившая свою природную структуру), *išlėpinta papaitė* ‘избалованная барышня’ (субстанция – индивид как определенная социально-моральная сущность); *arpleisti fortai* ‘заброшенные форты’ (субстанция, изменившая свою структуру в связи с прекращением функционирования) (примеры из: [LKG, § 559, с. 345; Paulauskienė, 1979, § 115–§ 116, с. 94–95]). Существует возможность синонима – прилагательного: *nugriebtas pienas* – *periebus* ‘обезжиренное молоко’; *komplikuota padėtis* – *sudėtinga* ‘сложная ситуация’.

Передача „внутреннего состояния” индивида в литовском языке

говорит о том, что жизненные процессы как способ существования живой материи являются менее маркированными. В литовском языке характерным является выражение формой E + P эмоционального состояния: (15) [...] iškirkdytas buvo svečias (Baltušis, 155); (16) [...] buvo užrūstintas pats Benvenutas (Mikelinskas, 448).

Причастие не теряет связи с процессом и является объектным результатом. Однако на взаимодействие субстанции и признака указывает определенная нейтрализация процесса, проявляющаяся в возможности выразить „внутреннее состояние” при помощи субъектного результата, что присуще характеристике частей тела: suraityti (susiraitę) plaukai 'завитые (вьющиеся) волосы'; įdegti (įdegtę) veidai 'загорелые (загоревшие) лица'; нейтрализация субъектно-объектного процесса проявляется и при субстанции, выступающей признаком пространства: išmėtyti (išsimėtę) butai 'разбросанные (букв. разбросавшиеся) квартиры'. В случае нейтрализации литовский язык как будто проявляет колебания, является ли внутреннее состояние вызванным усилиями индивида (lūpos sučiauptos 'губы сжаты'), или физиологический процесс происходит как инстинктивный (lūpos susičiaurusios 'губы сжавшиеся'). Нейтрализация как показатель генетической связи субстанции и признака характерна также для примеров типа negestanti (negestama) ugnis.

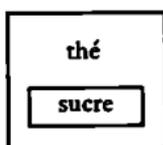
Наряду с типом „окачественных” причастий trenktas 'чокнутый', аналогичных французским (cingle, détraqué), в литовском языке характерную группу составляют причастия, связанные со слуховыми и зрительными восприятиями индивида: matytas, regėtas, girdėtas. Их „окачествлению” способствует не природа субстанции, а факт функционирования предмета при индивиде как сущности, характеризующейся чувственными восприятиями (17) [...] net akys jau buvo regėtos ir blizgėjo keistu piktoku žibesių (Bieliauskas, 7); (18) ... (19) dangus minkštas, papurtęs, gailus lyg pilkas pelenų šarmas; kažkoks dar niekada nematytas tas dangus buvo (Mikelinskas, 189).

Можно отметить, что „окачествлению” причастия как признака имени способствует социальная природа предмета. Это характерно для P_m , при котором настоящее время превращается в показатель постоянной роли предмета в социальной жизни индивида. Предмет получает признак как предмет труда – siuvamoji mašina 'швейная машина', avelių kerpmos žirklys 'ножницы для стрижки овец'; он оценивается с точки зрения своего назначения. Предметы получают признаки как объекты, попадающие в сферу социальной, чувственной или интеллектуальной деятельности индивида. Выделение в признак определенного опыта, связанного с социальным функционированием предмета или лица, характеризуется и следующими примерами: (20) – Tu žmogus mėtytas ir vėtytas, – atsargiai ir lėtai pradėjo Benvenutas [...] (Mikelinskas, 248); (21) Tokia tylūnė buvo prie tėvelių, tokia bežodėlė, kas gi dabar? Nebeatpažįstama, nebeapsiklausoma

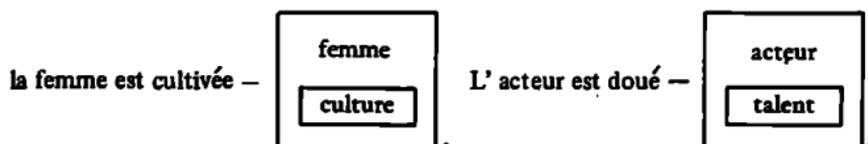
merga! (Baltušis, Juza, 15). В примере (20) *mėtytas* и *vėtytas* метафорически обобщают жизненный опыт индивида, к которому признаки относятся, в то время как в (21) *nebeapsiklausoma* обобщает чувственный опыт — опыт слухового восприятия индивида, не отождествляющегося с носителем признака. Причастие *būtas* (*nebūtas*) как родовая форма от глагола *būti* 'быть' не имеет аналога во французском языке, в котором значимость именного признака не обладают и следующие причастия: *eu* (соотв. *turimas, turėtas*), *voulu* (соотв. *norimas, norėtas*), *pu* (соотв. *galimas, galėtas*); *būtas* (*nebūtas*) обобщает признак, оценивающий существование предмета с точки зрения познавательного опыта индивида: (22) *Debesies juodumas ir tirstumas buvo toks nebūtas ir nesuprantamas, jog žaibai per jį ėjo lėtai, tingiai pasivingiuodami [...]* (Mikelinskas, 398).

Многие из упомянутых „окачественных“ причастий в литовском языке имеют только атрибутивное употребление. Это говорит о том, что причастие по природе является сущностью именной, в которую идея процесса вносится неотделимо от генезиса именного признака как системной значимости, которая фиксирует отражение процесса на системе актантов — имен вне актуализации процесса в конкретном предложении.

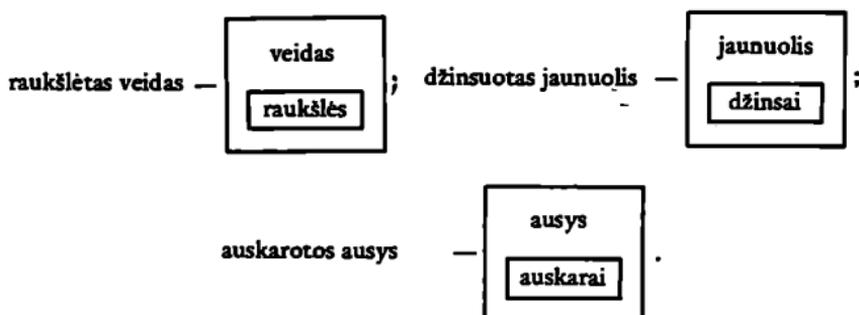
Совместимость значимости именного признака и идеи процесса в причастии определяет и его отношение к прилагательному, которое в литовском и французском языках является различным. Эта разница проявляется в морфологии причастия и прилагательного рассматриваемых языков. Неотчетливость значимости именного признака в литовском языке допускает существование морфологических дублетов: *atidarytas* — *atdargas*; *iškreiptas* — *kreivas*; *drumstas* — *drumzlinas*; они характерны для признаков, связанных с формой или структурой субстанции. Во французском языке существует омонимия словообразовательного элемента *é*, *u*: *perdu* — *têtu*, *fasciné* — *spontané*. Во французском языке можно говорить о своеобразной нейтрализации причастия и прилагательного в том случае, когда суффикс *é* обозначает именную признак, предполагающий существование имени и глагола соответствующего корня: *sucré* — *sucré* — *sucrer*; *apné* — *apné* — *apner*. Причастие *sucré* как отглагольная форма совпадает с прилагательным *sucré* как признаком, возникающим на базе существительного (*sucré* — *sucré*), который обозначает предмет как признак, входящий в „пространство“ другого предмета; так, в *le thé est sucré* признак *sucré* образуется как эксплицирование субстанции *thé*, включающей в себя признак *sucré*:

Существование такого признака не всегда подразумевает морфологическую словообразовательную связь с существительным:

Таким образом, именной признак типа *susgė* является не „окачествившимся“, а качественным по природе. В литовском языке качественность, сформированная на базе заключенного в другую субстанцию имени в качестве признака, соотносится с прилагательными и морфологически маркируется суффиксами *-ėtas, -uotas, -otas*:

Такие прилагательные могут трактоваться причастиями, если существует отыменной глагол: *raukšlėtas* ← *raukšlėti*; *nukrūvotas* ← *nukrūvoti*. Таким образом, и в литовском языке упомянутые суффиксы отражают некоторую нейтрализацию прилагательного и причастия как существей именных.

В заключение можно констатировать следующее:

1. P_m , P_t литовского языка и P_p французского языка являются сущностями именными, в системе языка ориентированными на субстанцию как свой носитель, от которой генетически они отделились в качестве признака. P_p аннулирует свою ориентировку на процесс, в то время как P_m и P_t ее сохраняют. Процесс как семантическое понятие форму $E + P$ включает в сферу глагола; вследствие использования формы $E + P$ для передачи процесса она на синтаксическом уровне не отражает противопоставления простого и сложного сказуемого. Подтверждение тому, что форма $E + P$ как предикативная единица сопряжена с понятием субстанции и выражает состояние, следует искать в статистических данных ее функционирования.

2. Вопрос о возможности или невозможности образовать пассив как форму глагольной парадигмы не соответствует сути формы E + P. Следует ставить вопрос о возникновении именного признака, обусловленного специфической взаимоотношения процесса с именами как единства предиката с актантами, образующего событие как форму отражения объективной действительности. Разный характер семантических и структурных связей имени и процесса определяет не только возможность или невозможность образования признака, но и предопределяет этот признак как атрибутивный или предикативный (в лит. яз.).

3. Система языка проявляется не только в парадигматике и синтагматике словоформ, она проявляется в существовании таких языковых понятий, которые не соотносятся с морфологией словоформ, непосредственно связанных с предметной картиной мира. Язык фиксирует объективный мир и на более обобщенном уровне его членения (субстанция и признак). Обнаружение в языке взаимоотношения субстанции и признака подтверждает необходимость разработки проблем языка как проблем „скрытой” грамматики [Кашнельсон, 1972, с. 78–94].

LA FORME E + P EN TANT QUE FORME ATTRIBUTIVE EN LITUANIEN ET EN FRANÇAIS

N. LUKŠYTĖ

Résumé

La forme būti + P_m, P_t (participe passif) du lituanien et la forme être + P_p (participe passé) du français possèdent un contenu contradictoire: servant de véhicule du procès elles se rapportent au paradigme verbal, mais en même temps elles portent des marques d'une unité syntaxique. Cette contradiction se résout si on sépare le niveau de l'effet de sens du lexème verbal (Guillaume) du niveau de la valeur de la forme qui consiste en l'attribution d'une marque nominale à la substance. Le participe présentant cette marque nominale forme une variété morphologique parallèle à l'adjectif. Etant formé sur le thème verbal le participe est rattaché au procès, mais ce rattachement présente le caractère différent en lituanien et en français: le participe passé français en tant qu'attribut s'assimile davantage à la substance en neutralisant sa provenance verbale de façon qu'il devienne plus „adjectivé” par sa nature que le participe passif lituanien. Malgré le caractère plus „adjectival” du P_p la forme E + P fait preuve de sa nature attributive aussi bien en lituanien qu'en français.

ЛИТЕРАТУРА

Geniušienė, 1974 – Geniušienė E. Dėl pasyvinės veiksmoždzių formos būsenos reikšmės. – Kalbotyra, 1974, 25(1), p. 21–29.

Ginneken, 1939 – Ginneken, J. van. Avoir et être (du point de vue de la linguistique générale. – Mélanges Bally. Genève, 1939, p. 83–93.

Girdenis, Žulys, 1973 – Girdenis A., Žulys V. Lietuvių kalbos gramatika. [t. 1, 2 recenzija]. – Baltistica, 1973, t. 9(2), p. 208–209.

Jakulienė, 1968 – Jakulienė A. Lietuvių kalbos pasyvo formavimasis ir sangražiniai veiksmažodžiai. – Baltistica, 1968, t. 4(2), p. 211.

Le Bidois, 1935 – Le Bidois G., Le Bidois R. Syntaxe du français moderne. – Paris, t. 1, 1935.

Paulauskienė, 1979 – Paulauskienė A. Gramatinės lietuvių kalbos veiksmažodžio kategorijos. – V., 1979.

PL – Petit Larousse. – Paris, 1969.

PR – Petit Robert. – Paris, 1978.

Pottiers, 1967 – Pottiers B. Présentation de la linguistique. Fondements d'une théorie. – Paris, 1967.

Référovskája, 1964 – Référovskája E. A., Vassiliéva A. K. Essai de grammaire française. Cours théorique, I. – M.–L., 1964.

Sližienė, 1974 – Sližienė N. Sudurtinių neveikiamųjų veiksmažodžio formų reikšmės ir vartojimas. – Kn.: Žodžių formos ir jų vartoseną. V., 1974.

Гивипшвили, 1979 – Гивипшвили О. И. К проблеме существования грамматической категории страдательного залога в французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979.

Кацнельсон, 1972 – Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972.

Панфилов, 1976 – Панфилов В. Э. Категории мышления и языка. Становление и развитие категории качества. – ВЯ, № 6, 1976, с. 3–18.

Селиверстова, 1983 – Селиверстова О. Н. Понятие „множество“ и „пространство“ в семантике синтаксиса. – Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1983, т. 42, № 2, с. 142–150.

Штелинг, 1976 – Штелинг Д. А. Парадигматика и синтагматика категории залога. – Иностранные языки в школе, № 4, 1976, с. 8–18.

Типология, 1974 – Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. – Л., 1974.

Цитируемые источники

Baltušis – Baltušis J. Sakmė apie Južą. – V., 1979.

Bieliauskas – Bieliauskas A. Ramūs laikai. – V., 1982.

Mikelinskas – Mikelinskas J. Kur lygūs laukai. – V., 1981.

Beauvois – Beauvois S. de. Le sang des autres. – Paris, 1960.

Camus – Camus A. L'étranger. – Paris, 1957.

Mauriac – Mauriac F. Le noeu de vipères. – Paris, 1957.

Sabatier – Sabatier R. La mort du figuier. – Paris, 1962.

Sarraute – Sarraute N. Les fruits d'or. – Paris, 1963.

Sartre – Sartre J.-P. Les chemins de la liberté. L'âge de raison. – Paris, 1960.

Sartre – Sartre J.-P. La nausée. – Paris, 1954.

Вильнюсский государственный университет
им. В. Капсукаса

Вручено
в декабре 1984 г.

Кафедра французского языка